

САРА ХОРНСЛИ

ПЛОХАЯ
КРОВЬ

INSPIRIA

Москва

САРА ХОРНСЛИ

ПЛОХАЯ
КРОВЬ

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
X79

Sarah Hornsley
BAD BLOOD

Copyright © Sarah Hornsley 2025
All rights reserved.

Дизайн обложки *Дарья Васильченко*

Хорнсли, Сара.

X79 Плохая кровь / Сара Хорнсли ; [перевод с английского М. В. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с. — (Ток. Дом лжи. Расследование семейных тайн).

ISBN 978-5-04-210326-1

Когда-то он был ее первой любовью. А теперь она должна посадить его за двойное убийство...

Джастина Стоун покинула родной город в Эссексе восемнадцать лет назад – и с тех пор не оглядывалась в прошлое. Вышла замуж, построила блестящую карьеру прокурора и редко вспоминала свою первую любовь – Джейка Рейнольдса. Пока однажды ей не поручили дело о двойном убийстве. Тогда-то она и увидела его лицо на фото из материалов дела. Некий Брэд Финчли, обвиняемый в ужасном преступлении... Знакомые глаза буквально выбили у нее почву из-под ног.

Но почему у него сейчас другие имя и фамилия? Где он пропал все эти годы? Что и зачем совершил?

Тот Джейк, которого любила Джастина, никогда никому не навредил бы. Но по мере того, как начинают всплывать доказательства, ей приходится признать, что, возможно, она вообще никогда не знала его. Ни его, ни свою собственную семью, из которой Джастина сбежала много лет назад...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Смирнова М., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210326-1

*Посвящается моим родителям,
Вэл и Берни, которые научили меня
тому, что никакая мечта
не бывает слишком большой*

Мне было семь лет, когда я узнала, что листья алоэ — лучшее лекарство от ожогов. Стоя у кухонной двери, я смотрела, как моя мать режет ножом пополам мясистый лист, потом выскребает его мякоть и наносит на верхнюю часть руки. Понадобилось почти три недели, чтобы ожог зажил — сначала он сделался желтым, как жир, посередине, а потом превратился в идеально круглый шрам. Я никогда не заговаривала о нем; когда мама повернулась в мою сторону, я отпрянула за косяк, чтобы она меня не заметила.

Именно поэтому я знаю, что обвиняемый лжет относительно ожога. Я записываю это на листке бумаги и передаю туда, где стоит Чарльз Коул, ведущий перекрестный допрос. Он бросает взгляд на листок, потом на меня. Я вижу, что он в замешательстве — но верит мне. Я — его протезе, восходящая звезда, и потому, поколебавшись всего несколько секунд, он жестом велит мне встать, а сам отходит обратно к столу.

Чарльз предоставляет мне вести суд — выступать на нашей сцене.

— Мистер Джексон. — Я улыбаюсь обвиняемому, но мою улыбку трудно назвать дружелюбной. Я — волчица в судейской мантии. — Я хотела бы за-

нять минуту вашего времени, чтобы проверить сведения, которые вы только что предоставили суду. — Делаю жест в сторону присяжных, чтобы они поняли: я собираюсь разоблачить сказанную обвиняемым ложь. Я хочу, чтобы они прочувствовали это лично. — Когда двадцать второго ноября прошлого года вы пришли в дом к Питеру Тейлору, ожидали вы застать его дома?

— Не ожидал. — Джексон мотает головой, и я вижу, что он понятия не имеет, к чему я клоню. Он думает, будто я ничего не понимаю, и просто тянет время.

— Когда же в действительности Питер оказался дома и столкнулся с вами на кухне — можете ли вы еще раз поведать суду, что произошло тогда?

— Конечно. — Обвиняемый пожимает плечами. — Он напал на меня.

— Можете ли вы описать суду ход этого нападения?

— Он дернул меня за ноги и повалил на пол, и мы некоторое время боролись; он пытался схватить меня за шею, но я сумел вывернуться. Я пытался убежать и уже повернулся спиной к нему, когда он, судя по всему, схватил утюг, стоящий на доске сбоку от него. В следующий момент я почувствовал жгучую боль в левом плече.

— Он обжег вас утюгом?

— Да.

— Но не ударил им вас? Это тяжелый предмет. — Я вижу, как он бросает взгляд на своего адвоката, Роуз Боллард, прежде чем ответить мне. Она не подготовила его к подобным вопросам.

— Ну, к тому моменту я уже был довольно далеко от него, я же пытался уйти... Полагаю, он бросился вперед и коснулся меня утюгом.

— И что было дальше?

— Я резко обернулся. Он уже стоял гораздо ближе ко мне. И занес утюг, как будто собираясь снова ударить меня им.

— Можете ли вы сказать мне, о чем подумали, когда осознали, что он обжег вас и по-прежнему держит в руках утюг?

— Я подумал, что сейчас он убьет меня. — Говоря это, обвиняемый смотрит на присяжных, вид у него скорбный и жалкий. Он не осознаёт, что мгновение назад дал мне именно тот ответ, которого я ждала.

— И как именно вы на это отреагировали?

— Я ударил его ножом.

— Сколько раз?

— Пять. Это была самозащита.

Я делаю паузу, чтобы все осмыслили его слова. Не один раз, а целых пять.

— Хорошо. Можете ли вы подтвердить мне, что ударили ножом мистера Тейлора из самозащиты именно потому, что он обжег вас утюгом?

— Совершенно верно. До этого я уходил, повернувшись к нему спиной. Я вам говорю — он бросился на меня.

Я стараюсь не улыбаться — время открывать карты еще не настало.

— У вас остались раны в результате нападения мистера Тейлора?

— Мы уже обсуждали это, — вздыхает он, явно утомленный моим допросом. Хорошо. Чем сильнее раздражен обвиняемый, тем больше вероятности, что он ошибется. Мы берем их измором.

— Окажите мне любезность, — говорю я с драматическим жестом, и кто-то из присяжных фыркает.

— У меня остался шрам на задней стороне плеча.

— И этот шрам был, когда полиция арестовала вас спустя неделю после того, как Питер Тейлор был убит в собственной кухне. Верно?

— Это так. Они сфотографировали этот шрам и все такое. Я не лгу.

Я поднимаю брови. Он начинает потеть.

— Итак, убитый обжег вас утюгом достаточно сильно, чтобы остался шрам. И этот ожог зажил неделю спустя после того, как рана была нанесена, а предъявленные суду фотографии были сделаны именно во время вашего ареста, через неделю после нападения?

— Э-э-э...

— Просто ответьте на вопрос, пожалуйста. Просто «да» или «нет».

— Да.

— За этот период времени между получением ожога и вашим арестом — всего одна неделя — вы получали какое-либо лечение или медицинские советы? Вы искали в интернете способы лечения ожогов? Вы делали что-либо, чтобы побыстрее залечить его?

— Насколько я помню, нет.

— Дело в том, мистер Джексон, что ожог второй степени, который вы должны были получить, чтобы остался шрам, наблюдаемый нами на фотографиях, заживал бы по меньшей мере две или три недели — и это при использовании самых эффективных методов лечения.

— Ну, у меня это не так, — решительно отвечает он, и его взгляд из щенячье-жалобного превращается в угрожающий. «Вот именно, я тебя раскусила». В моей крови начинает бурлить адреналин. Это ощущение способно вызвать привыкание.

— Я довожу до вашего сведения тот факт, что обычно требуется от двух до трех недель, чтобы ожог на вашем плече превратился в шрам. Он не мог быть нанесен

во время нападения, которому вы предположительно подверглись со стороны мистера Тейлора; это должно было случиться задолго до того, как вы вторглись в его дом, иначе к моменту вашего ареста этот ожог все еще представлял бы собой открытую рану. Говоря другими словами, рана, от которой у вас остался этот шрам, должна была быть нанесена минимум — я повторяю, *минимум* — за неделю до инцидента, из-за которого вы сейчас находитесь под судом. По сути, я полагаю, раз уж этот шрам — единственная рана, которую вы, по вашим показаниям, якобы получили от мистера Тейлора, то никакой атаки со стороны погибшего не было и вы убили его в его собственном доме. И самое главное — убили его не из самозащиты, а просто потому, что могли это сделать.

Он не говорит ничего, просто смотрит на меня затравленно, точно кролик в свете фар машины.

— Мистер Джексон, — повышаю я голос, — я права? Вы получили этот ожог еще до упомянутого вечера?

Я смотрю, как он с силой трет руками лицо, оставляя на щеках красные полосы от пальцев. Он вот-вот сломается. Мы выиграем дело.

* * *

Гардеробная — чересчур пышное название для этого помещения, однако нельзя недооценивать его романтизм. Мне просто необходимо провести здесь некоторое время, насладиться ощущением товарищества — пусть даже мои товарищи только что выступали в суде с противоположной стороны, — чтобы из непреклонного юриста снова сделаться нормальным человеком. Не знаю, смог бы мой брак просуществовать так долго без этих минут в гардеробной. Если говорить честно, я очень

в этом сомневаюсь. Есть две грани моей личности, которые постоянно тянут меня в противоположные стороны. Одна часть полна упрямой решимости выиграть, невзирая на цену; другая отчаянно жаждет стабильности. Похоже, я никак не могу определиться с тем, что же именно называю успехом.

Поэтому, когда Роуз спрашивает, пойду ли я вместе с ними в «Корабль» праздновать день рождения Лары, я колеблюсь. Лара работает на ту же юридическую палату, что и Роуз, и изначально я познакомилась с ней в том же «Корабле» — это одно из тех мест, куда после работы часто навещаются лондонские юристы. Но пару раз мы пересекались в зале суда. Могу поспорить, что большинство тех, с кем я работаю, будут на этой вечеринке.

Всем известно: в часы, проводимые в пабе, по-прежнему вершатся важные дела. Как бы старомодно это ни звучало, такова нынешняя реальность. Проблема в том, что ты не знаешь, когда начнутся важные разговоры, и, как следствие, не можешь стратегически оказаться в нужном месте, а потом по-быстрому свалить. Эти разговоры могут завязаться в десять часов вечера. Могут в час ночи. Зачастую в три часа ночи. И никогда — раньше девяти вечера. Нужно заранее настроиться на то, что вечеринка будет долгой, — или ты с таким же успехом можешь вовсе не приходить на нее.

И потому я с извинениями отказываюсь и широко улыбаюсь женщине, которой только что в течение шести часов противостояла в зале суда. Снимаю свой парик — он такого же изжелта-белого цвета, как обшарпанные стены помещения, — и собираю свои вещи, а затем направляюсь домой. Я сказала Роуз, что сегодня пятая годовщина нашей с Ноем свадьбы, однако умолчала о том, что его нет дома, поскольку он улетел по делам в Париж; о том, что в этот вечер мы с ним разделим ужин

за сотни миль друг от друга, положившись на неверное вайфай-соединение ради создания некоего подобия романтической атмосферы.

Совсем иначе мы провели прошлую годовщину — в постели оксфордского отеля, где на стол подают только продукты местного производства, а в каждом номере есть большой камин. Я улыбаюсь воспоминаниям — это действительно были идеальные выходные, проведенные вместе с моим идеальным мужем. Я признаю, что мы выложили абсурдно огромную сумму за одну ночь, но учитывая, что в этом году мы вроде как и не отмечаем эту важную дату, то, может быть, на будущий год я предложу поехать туда снова.

— Ты отлично справилась, Джастина, — говорит мне вслед Роуз. — Сильна, как обычно... Но в следующий раз я выиграю.

Я слышу в ее голосе улыбку. Ни следа злости. В нашем деле нельзя держать обиду ни на кого — если хочешь выжить.

— Посмотрим, — бросаю я через плечо и улыбаюсь, хотя уверена, что эта улыбка не протянет долго. Я всегда напоминаю себе, что не следует торжествовать из-за победы в суде. Есть что-то отвратительное в том, что на твоей совести — чье-то тюремное заключение. Я не говорю, будто это неправильно, не говорю, что обвиняемые этого не заслуживают, однако за время судебного разбирательства ты поневоле узнаешь их. Не лично, конечно, но возникает ощущение, что я отчасти как будто становлюсь ими.

Я предпочитаю считать, что это изучение личности обвиняемого. Просто невозможно игнорировать нюансы того, как каждое событие в жизни человека влияет на его внутренний облик. Что было бы, если б можно было избавить их от всего этого? Позволить им родить-

ся заново, начать сначала? Заслуживают ли люди второго шанса?

В том, что касается моей работы, ответ «нет», однако я провожу один час в неделю у своего психотерапевта Айи, убеждая себя в том, что заслуживаю именно этого: что я достойна съездить в роскошный отпуск в шикарном отеле вместе со своим любящим мужем.

* * *

Проблема с красным вином одна: каким бы землистым или дымным ни был заявлен его аромат, в тот момент, когда оно витой струей льется в бокал, все, что я чувствую, — характерный железистый запах крови.

— За нас, — произносим мы с мужем в один голос и улыбаемся, делая вид, что чокаемся бокалами.

Я смотрю на изображение Ноя на экране поверх очков. Он так и не снял официальный костюм после долгого дня в офисе, но воротник его рубашки расстегнут, галстука нет — и я думаю о том, как сильно он не похож на тот образ супруга, который я всегда себе представляла. Отгоняю эту мысль. Позволяю себе быть счастливой. Ной красив, очень красив, и при этом добр.

«Эти два качества редко сочетаются в одном мужчине; считай, что тебе повезло», — говорила мать.

И хотя мне неприятны двойные стандарты — ведь любая женщина без исключения должна быть и красивой, и доброй, — мама права. Мне повезло. С того момента, как я открыла входную дверь, стало ясно, что Ной изо всех сил старается сделать сегодняшний вечер особенным для меня. Служба доставки привезла на дом бутылку шампанского — «Боллинджер», подумать только! — и букет белых роз (моих любимых). К тому же мне пришла инструкция, как включить на «Спотифай»